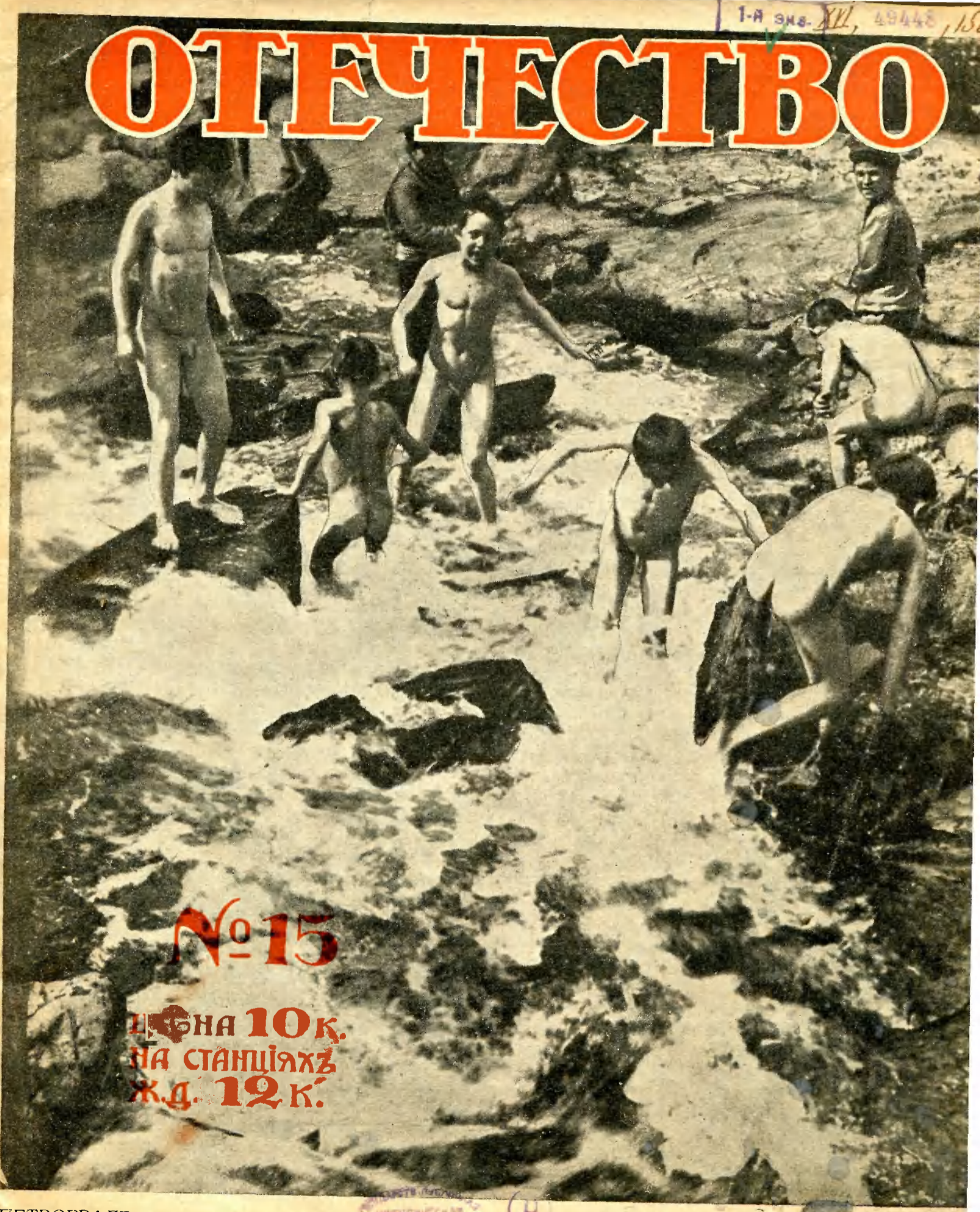


1-я змс. XII, 49448, 150

ОТЕЧЕСТВО



№ 15

ЦЕНА 10 К.
НА СТАНЦІЯХЪ
Ж.Д. 12 К.

ПЕТРОГРАДЪ

ИСТОРІЧЕСКАЯ



1915

РЫЦАРЬ МАЛЪЯРЪ

РАЗСКАЗЪ А.С.ГРИНА

I.

РЕНЕ Колень много путешествовалъ по Востоку и всегда возвращался одинъ. Рене Колень былъ очень сухой, недоверчивый человекъ. Онъ смотрѣлъ на индйскіе танцы и не стоналъ отъ восторга, а, напротивъ того, хладнокровно зѣвалъ, говоря приятелямъ: „Флейта фальшивитъ“, или: „Вотъ такъ ноги у Зулейки, — не ноги, а бревнышки“.

Съ такимъ темпераментомъ Рене Колень скитался по бѣлу свѣту, но однажды вернулся въ свое имѣше Арвентуръ не одинъ. Съ нимъ прѣхала молодая особа, прелестная, какъ тихая пѣсня. Рене встрѣтилъ ее въ Россіи, тотчасъ же пересталъ быть недоверчивымъ, сухимъ человекомъ и обвѣнчался.

Пока все это происходило и, наконецъ, произошло, въ сосѣднемъ съ Арвентуромъ мѣстечкѣ проживалъ поленщикъ Малъяръ. Днемъ онъ работалъ, а вечеромъ стоялъ у порога своего жилья, курилъ трубку и сплевывалъ. Его наружность приводила въ уныніе всякаго любителя легкихъ тоновъ. Шея, заросшая бородой, низенькій, толстый корпусъ на кривыхъ ногахъ, узловатая руки, и крошка-лобъ надъ черными впадинами сумрачныхъ глазъ — вотъ точный портретъ Малъяра, если не считать болтавшихся на раскрытой волосатой груди концовъ грязнаго платка, повязаннаго вокругъ шеи.

Черезъ лѣсъ, примыкавшій однимъ крыломъ къ парку Коллена, а другимъ къ далекимъ холмамъ, проходила

шоссейная дорога. Малъяръ каждое лѣто чинилъ ее. Сидя передъ кучей булыжника, мужикъ дробилъ камни тяжелымъ желѣзнымъ молотомъ. У него были камни — любимцы и камни — враги. Любимцамъ — маленькимъ круглымъ булыжникамъ — онъ наносилъ спокойный, слабый ударъ, приговаривая: „На четыре

части, малышъ, только всего“. Но враги — камни, въ пудъ вѣсомъ, крѣпкіе и звонкіе, какъ сталь, испытывали на себѣ всю злобу Малъяра. Онъ съ ненавистью сокрушалъ ихъ, оскаливъ зубы, и ругался, словно передъ нимъ была нѣкая живая, темная, упрямая сила.

Если неподалеку отъ него работалъ еще каменщикъ, Малъяръ забывалъ о немъ; если же на данномъ участкѣ дороги никого не было, кромѣ Малъяра, — онъ помнилъ, что вокругъ никого нѣтъ и, иногда, въ видѣ отдыха, забавляясь, вертѣлъ молотомъ надъ головой, или пронзительно свисталъ, пугая сорокъ. Въ сумеркахъ онъ возвращался домой, стоялъ у порога, курилъ и сплевывалъ.

Жена Рене Коллена — Вѣра или Vega, какъ звалъ ее мужъ-иностранецъ, возвращалась съ прогулки. Ея сѣверная душа часто искала уединения. Вѣра шла тѣневой стороной дороги; по той же сторонѣ, за поворотомъ, сидѣлъ Малъяръ, колотя молотомъ по камню-врагу. То былъ невѣроятно коварный, угловатый, массивный врагъ; отъ несовѣмъ точныхъ ударовъ онъ поворачивался съ боку на бокъ, и Малъяръ удерживалъ его подошвами босыхъ ногъ. Коварство вещей безгранично: булыжникъ подался впередъ, и Малъяръ хватилъ себя по пальцамъ ноги страшнымъ ударомъ, отъ котораго зашаталось небо и содрогнулась земля.

Искры посыпались изъ глазъ Малъяра; онъ взвылъ, ухватился за ногу и отъ нестерпимой боли сталъ покачиваться изъ стороны въ сторону, стиснувъ зубы. Затѣмъ, проявивъ классическій атавизмъ, съ бѣшенствомъ хватилъ камень по молотку, — виновнику страданія. Недолго длилось молчаніе Малъяра: разбитые пальцы стали такъ отчаянно пульсировать, что Малъяръ заоралъ и завылъ снова, и на крикъ этотъ, съ недоумѣніемъ ускоривъ шаги, подошла Вѣра.

— Что съ вами? — сказала она; увидѣла кровь и поморщилась. — Ушибся?

— Поторопился! — сказалъ Малъяръ. — Я пяткой нажалъ его. О-о! Охъ!

Вдругъ онъ увидѣлъ, что къ распухшей, черно-красной его ногѣ протянулась чистая, бѣлая рука. Инстинктомъ онъ ожидалъ легкаго прикосновения брезгливо вытянутыхъ пальцевъ, и немедленнаго удаленія пальца, но чистая рука смѣло взяла ногу, и поставила ее, пяткой же, — на камень, даже повернула удобнѣе. Малъяръ поднялъ глаза. Совсѣмъ близко отъ него склонилось красивое лицо очень просто сидѣвшей на корточкахъ нарядной женщины, и Малъяръ, растерявшись, впалъ въ





угрюмость. Тѣмъ же безошибочнымъ инстинктомъ былъ онъ недоволенъ видомъ своей ноги.

Онъ демонстративно молчалъ.

Тѣмъ временемъ появился бѣлый платокъ, аккуратно разорванный на четыре ча-

сти, и чистая рука, съ непонятнымъ для Мальяра цинизмомъ, старательно вытерла однимъ кусочкомъ платка ступню, прижимая матерію весьма крѣпко, отчего было больно, а другими завертѣла каждый изъ трехъ разбитыхъ пальцевъ отдѣльно.

— Ну-ка, потерпите! — сказала внушительно эта странная женщина, замѣтивъ, что Мальяръ набираетъ воздухъ. Образовались три бѣлыя куколки на черной ногѣ, а обѣ чистыя руки напоминали израненыхъ младенцевъ — такъ были онѣ пыльны, красны и малы.

— Стоитъ того, барыня, — проворчалъ Мальяръ, когда все окончилось.

— Кости не сломаны, — сказала, подымаясь, Вѣра, — дома помойте хорошенько теплой водой и опять завяжите.

— И масломъ... — нерѣшительно сказалъ Мальяръ.

— И масломъ хорошо. — Она пошла дальше, не оглядываясь, а Мальяръ почтительно взглянулъ на свою ногу и оглянулся.

II.

Мѣсяца три спустя изъ Арвентура ушелъ работникъ, а на его мѣстѣ оказался Мальяръ. Какъ это произошло — наняли Мальяра, или Мальяръ нанялся самъ — неизвѣстно; только въ одно обыкновенное утро Мальяръ, съ лопатой въ рукахъ, стоялъ подъ конюшненнымъ навѣсомъ и чистилъ настилъ; а по вечерамъ, какъ и прежде, становился у порога дома рабочихъ, и отплевывался.

Однажды Вѣра сидѣла на берегу огромнаго пруда парка и читала журналъ. Ей почудилось, что кто-то стоитъ сзади. Она обернулась. Подъ деревомъ, прислонясь къ нему, Мальяръ, съ трубкой въ зубахъ, пускалъ облака дыма. Каменное равнодушие читалось на его

лицѣ. Онъ смотрѣлъ на воду, а потомъ поднялъ глаза къ небу.

— Дождь будетъ, — сказалъ Мальяръ.

— Вы какъ попали сюда?

— Работаю тутъ.

— Давно?

— Нѣтъ.

Онъ повернулся и, неторопливо шагая, ушелъ.

Черезъ недѣлю Вѣра пришла снова на свое излюбленное у пруда мѣсто и снова невольно обернулась. Подъ тѣмъ же деревомъ, въ той же позѣ отдыхающаго человѣка, стоялъ Мальяръ, дѣловито осматривая прудъ. Вѣра подумала и невольно улыбнулась въ книгу. Мальяръ, замѣтивъ улыбку, обидѣлся, постоялъ немного и скрылся.

Онъ больше не появлялся на берегу пруда, и Вѣра встрѣчала его еще лишь раза четыре-пять на дворѣ, съ метлой или тачкой въ рукахъ. Онъ кланялся, какъ всѣ, и, поплевавъ на ладони, продолжалъ свое дѣло.

Осенью, послѣ сильной простуды, Вѣра слегла въ постель и умерла, прохворавъ около мѣсяца. Рене Колленъ нѣсколько дней подъ рядъ не выходилъ изъ кабинета; онъ плакалъ и пилъ, плакалъ и пилъ, пока организмъ не сталъ противиться разрушенію отчаяніемъ. Тогда онъ уложилъ чемоданы, сократилъ текущій счетъ въ банкѣ и уѣхалъ; и объѣхалъ весь свѣтъ, вернувшись только весной. Онъ сильно измѣнился: коротко остриженные волосы отливали сѣдиной; щеки завяли, глаза потухли.

Вѣру похоронили, согласно ея желанію, на крошечномъ островкѣ среди пруда, гдѣ раньше стояла бесѣдка. Она умерла, но не умерла любовь къ ней Коллена, и его сердце властно просило выражения этой любви.

Поэтому, обдумавъ нѣчто, Рене поѣхалъ въ городъ и явился къ скульптору. Скульпторъ, жадный на деньги, какъ бо

льшинство художниковъ, — потому, что они рѣдко видятъ ихъ, или рѣдко видѣли въ молодости, — назначилъ очень высокую цѣну, рассчитывая, что Колленъ будетъ торговаться. Колленъ не тор-



говался. Онъ просилъ только, чтобы его заказъ былъ сдѣланъ скорѣе.

Скульпторъ былъ настоящий художникъ, а потому, когда работа была закончена, былъ очень доволенъ ею, настолько, что цѣлый день ему не думалось о деньгахъ Коллена. Вечеромъ онъ сидѣлъ съ сияющими глазами въ буйномъ артистическомъ кафе, говорилъ объ искусствѣ и выпивалъ.

Рене помѣстилъ статую на островкѣ, среди пруда, надъ могилой жены. Мраморная Вѣра сидѣла, откинувшись на спинку простого садоваго стула; руки ея были сложены на колѣняхъ, на страницахъ книги. Излишекъ земли, выступавшій по сторонамъ низенькаго пьедестала, былъ скрытъ, и мраморъ граничилъ съ водой. Внизу, у ногъ женщины, было высѣчено одно слово: „Vera“.

Мальяръ все еще служилъ въ Арвентурѣ. Онъ, вмѣстѣ съ другими рабочими, скапывалъ землю островка и, вообще, помогалъ, когда требовалось, установкѣ памятника. Увидѣвъ его въ первый разъ, онъ ощутилъ неясную тревогу, родъ грознаго предчувствия, и вечеромъ курилъ трубку дольше положеннаго.

Иногда ему снилось, что платье мрамора шелеститъ; онъ часто видѣлъ во снѣ кровь, выстрѣлы, Вѣру.

III.

16-го августа Арвентуръ заняли рыжіе. Колленъ ушелъ на войну; его управляющій, старикъ, тихо помѣшанный на канарейкахъ и зябликахъ, робко ходилъ за неприятельскими офицерами, твердя: „Я не при чемъ; какъ будетъ угодно господину барону“. Кромѣ того, онъ вздыхалъ, ломалъ руки и ругался, когда этого никто не могъ слышать. Рыжіе взяли всѣхъ лошадей, весь скотъ и всю птицу. Къ вечеру пошелъ слухъ, что неприятель получилъ приказъ выступить утромъ; всѣ об-

легченно вздохнули, но вечеромъ изъ настежь раскрытыхъ оконъ барскаго дома вырвался такой хриплый, нестройный германскій гимнъ, что сердца сжались у обитателей Арвентура, и они, не надѣясь спокойно провести ночь, разбрелись по окрестностямъ. Женщины и дѣти исчезли до одного человѣка; немного осталось и мужчинъ; среди нихъ былъ Мальяръ.

Повинуясь все тому же инстинкту, не оставлявшему его въ теченіе всей жизни, Мальяръ, какъ только стемнѣло, пробрался задворками къ пруду, гдѣ стояла у мо-

стковъ лодка. Онъ долго курилъ надъ ней, разставивъ ноги, въ мрачномъ и глубокомъ раздумьѣ. Фактъ существованія лодки ему не нравился. Онъ неопредѣленно связывалъ его съ рыжими и памятникомъ, — связывалъ на всякій случай, между прочимъ: самъ не придавая этому особеннаго значенія, хотя и зналъ, что отъ рыжихъ можно ожидать, чего угодно. Все-таки онъ рѣшилъ потопить лодку, провертѣвъ въ ней дыру. Мальяръ вынулъ изъ кармана долото и засучилъ рукава.

Тѣмъ временемъ капитанъ Шульцъ, логикой обстоятельствъ

и собственной природы своей, приходилъ къ тому странному и отвратительному рѣшенію, которое, можетъ быть, вытекало изъ его пристрастія къ личности знаменитыхъ полководцевъ древнихъ временъ. Полководцы эти оставили потомству — историческій жестъ, лихую фразу, крылатое слово, — однимъ словомъ, — поступки, отъ которыхъ хочется подбоchenиться. Капитанъ Шульцъ, особенно въ пьяномъ видѣ, мнилъ себя однимъ изъ такихъ любимцевъ бога войны. Кромѣ того, онъ любилъ женщинъ; женщинъ не было, хотя ихъ искали весьма усердно.

— Здѣсь, на этомъ столѣ, — сказала Шульцъ, — появится украшеніе, отъ котораго содрогнется міръ.

И онъ залпомъ выпилъ стаканъ. Историческая фраза была произнесена, оставалось совершить историческій жестъ. Шульцъ вызвалъ двухъ сол-



дать; затѣмъ, сильно качаясь на упитанныхъ ножкахъ, сказалъ:

— Ребята, вы видѣли на прудѣ каменную фигуру? Видѣли. Фигура эта, какъ мы узнали, изображаетъ мертвую хозяйку этого дома. Отломать ей голову и немедленно принести сюда!

— Это антично! — сказалъ томный Шмидъ. — Это оригинально и стильно.

— Я боюсь привидѣній! — закричалъ военный докторъ, садясь мимо стула, — о, видите! — я уже упалъ отъ страха.

Шульцъ, думая о себѣ весьма лестно, обводилъ глазами компанію; солдаты ушли, и снова грянула пѣснь одичавшаго Рейна подъ высокимъ потолкомъ Арвентура.

Мальяръ еще не тронулъ днища лодки, когда подошелъ къ ней унылый Жеромъ, тоже рабочий, въ сопровожденіи подвыпившихъ рыжихъ. Было почти темно, ясное небо не давало

полному мраку задвить озеро; памятникъ смутно блѣл въ дали, и Мальяръ вздрогнулъ за него, увидавъ рыжихъ.

— Ты что дѣлаешь, старина? — спросилъ Жеромъ.

— Утопить хотѣлъ.

— Младенецъ! Поздно! Вотъ эти добрые колбасники — всмотри въ эти морды — у-у-у!! — хотятъ гильотинировать, понимаешь, памятникъ.

Пруссаки, разумѣется, ничего не поняли. Эти плотные, добросовѣстные ребята, съ молоточкомъ и мѣшочкомъ въ рукахъ, не оставляли мѣста для шутокъ своимъ серьезнымъ, покорнымъ и пьянымъ видомъ. Они хотѣли, чтобъ ихъ отвезли къ островку и начали выражать нетерпѣніе.

— Чего долго думать?! — сказалъ Жеромъ; подъ разстрѣлъ, что ли? Отвези сумасшедшихъ!

— Ладно! — сказалъ весело Мальяръ. Выколотивъ

трубку, онъ знаками показалъ рыжимъ, что нужно садиться; сѣлъ самъ, и однимъ ударомъ весла оттолкнулъ лодку отъ берега. Сердце его бѣшено тосковало. Онъ хотѣлъ мести и смерти.

Жеромъ исчезъ, слился съ линіей берега. Тогда, сдѣлавъ видъ, что выскочила уключина, Мальяръ нагнулся надъ бортомъ, неожиданно выпрямился, взявъ въ каждую руку по толстой солдатской шеѣ и крѣпко сдвинулъ ихъ. Его природную силу удесятило отчаяніе; оно же при-

дало математическую точность движеніямъ. Когда Мальяръ отнял руки, — два темныхъ мѣшка лежали у его ногъ въ сильно закачавшейся лодкѣ.

Онъ присталъ къ памятнику, закурилъ трубку, и дувъ на огонь, освѣтилъ этимъ, весьма слабымъ отблескомъ лицо памятника. Оно выражало, какъ всегда, доброту и задумчивость. Замѣтивъ, что лодка начинаетъ отплывать, Мальяръ крѣпко привязалъ ее къ камню, тихо

опустил въ воду мертвыхъ солдатъ и, съ засученными рукавами, отыскавъ ногамъ точку опоры въ подводномъ выступѣ островка, — ухватился за основание памятника. Памятникъ вѣсилъ пудовъ тридцать. Нѣкоторое время мускулы Мальяра дрожали въ страшной устойчивости напряженія; онъ вспотѣлъ и стоналъ, — наконецъ, послышался трескъ, и памятникъ, вывороченный вмѣстѣ съ кирпичами и цементомъ, сталъ подъ тридцатую углами наклона. Мальяръ подхватилъ его плечомъ, нажалъ и опустил въ глухомъ шумѣ воды на глубину сорока футовъ, въ мягкій, безвредный илъ; онъ правильно рассчиталъ, что оттуда, когда-нибудь, бережно извлечетъ этотъ памятникъ большая любовь.

Затѣмъ, не вспомнивъ даже о трупахъ солдатъ, ни разу не обернувшись и не теряя времени на вздохи, Мальяръ переплылъ прудъ и скрылся въ лѣсу.



* * *
Что-то неспокойно мнѣ,
Даже пѣсня не поется,
Гдѣ-то, въ дальней сторонѣ
Чье-то сердце бьется, бьется.

Слышу топотъ многихъ ногъ,
Многогрудое дыханье,
Вижу: свѣтлый нашъ чертогъ
Потрясенъ до основанья.

И, колебля города,
Какъ исчадіе былого,
Милліонная орда
Край родимый топчетъ снова.

Что готовитъ намъ ударъ,
Же за то ли Западъ хилый,
Что заслономъ отъ татаръ
Мы въ вѣкахъ ему служили?

Что, свободы не вкусивъ,
И довольства не извѣдавъ,
Жа защиту чуждыхъ нивъ
Мы спѣшимъ не хуже дѣдовъ?

Много отдали мы силъ
За безпомощнаго брата,
Много вырыли могилъ
Отъ Востока до Заката.

Сгнили ветхіе кресты
И осыпались курганы,
Жо не прежнія ль мечты
Въ насъ опять благоуханны?

Въ сердцахъ — вѣчная весна
И весенняя тревога,
Вновь рождаемая страна
У завѣтнаго порога.

И вперяя очи въ даль,
Слухъ свой чуткій напрягая,
Я на радость и печаль
Львой во-вѣкъ, страна родная.

Сергій Рафаловичъ.



У ПОСЛѢДНЕЙ ТЕРТЫ

ОЧЕРКЪ ПЕРВЫЙ.

МАТЬ ГАСТОНА.

— Ex bien vous ne partez pas? Moi, je pars! *)

— Стойте... вѣдь васъ погонять обратно... Сколько вамъ лѣтъ?

Онъ горделиво поднялъ свою красивую голову, комично подобралъ розовыя, почти дѣтскія щеки и, тщетно стараясь ухватить едва бѣлѣющіе усы на припухлой верхней губѣ, важно отвѣтилъ мнѣ:

— Развѣ вы не знаете, сосѣдь, что въ маѣ мнѣ стукнуло семнадцать лѣтъ?

— Но вы еще ребенокъ, и ваша мать... она такъ одинока. Какъ, madame, вы отпускаете вашего единственнаго сына?

У нея были такія же розовыя щеки, какъ и у сына, и черезъ стекла очковъ ласково голубѣли наивныя, добрыя глаза...

— Monsieur, — мы эльзасцы!..

— Ахъ... да... Желаю вамъ счастья, Гастонъ!

Онъ шумно и молодо простался съ сосѣдями.

И когда, уже совсѣмъ на порогѣ, замѣтилъ жемчужную слезу на дрогнувшемъ лицѣ, лихо подбоченившись, весело крикнулъ:

— Э! не горюнь мамка, я привезу тебѣ большую прусскую каску, и ты посадишь въ нее гераній, что ты...

И вдругъ оборвался, припалъ къ материнскимъ губамъ и долго и нѣжно цѣловалъ ее...

Прошли первые угарные дни; молчаливая сосредоточенность ожидания смѣнила праздничные восторги начала; наступили торжественные будни. И скоро одинъ и тотъ же вопросъ срывался при встрѣчахъ со всѣхъ устъ: — Получаете письма?

Мать Гастона не нужно было спрашивать. Когда она получала письмо, на лѣстницѣ поднималась суматоха; какъ-то сразу, со всѣхъ концовъ дома доносился ея счастливый и трепетный лепетъ. Первое боевое письмо читалось торжественно всѣмъ жильцамъ въ швейцарской.

„Моя дорогая мамочка“, писалъ Гастонъ. „Сегодня я участвовалъ въ атакѣ деревушки Х... Нашъ батальонъ при выходѣ изъ окоповъ попалъ подъ адскій огонь пулеметовъ. Мы кое-какъ укрывались отъ пуль нашими ранцами, но стрѣлять намъ было запрещено.

*) — Что же вы не выступаете? Я иду въ армию!

Мы проползли такъ 300 метровъ въ гору; кругомъ себя я слышалъ проклятія и стоны раненыхъ товарищей. Въ ухахъ у меня звенѣло отъ шума и усталости, а глаза не могли оторваться отъ приближающихся проволочныхъ заграждений“.

„Когда заработали ножницы, въ насъ стали сыпать шрапнелью. Дорогая моя мамочка, исповѣдуюсь тебѣ, что въ этотъ моментъ мнѣ захотѣлось бѣжать назадъ безъ оглядки... Но Жоффрѣ приказалъ не отступать, и я бросился впередъ. Теперь все кончено; деревня въ нашихъ рукахъ, и я выбралъ для тебя самую большую каску. Если меня и убьютъ, ты получишь ее, потому что на случай смерти мы обмѣнялись съ товарищемъ адресами. Но ты не горюй: я вернусь. Да, еще долженъ сказать тебѣ, что послѣ боя мой капитанъ сказалъ мнѣ, что я молодчина. Цѣлую тебя. Твой Гастонъ.“

А она слушала, глубоко зарывши въ вольтеровское кресло свое худенькое тѣло, и когда „консьержъ“ важнымъ голосомъ сказалъ ей: — сударыня, вашъ сынъ — герой, — вспыхнула, и какая-то свѣтлая зарница погрузилась въ лазуревую голубизну ея глазъ...

Письма приходили часто, каждую среду, потому что Гастонъ, съ аккуратностью истаго эльзасца, писалъ матери каждое воскресенье. И когда я, однажды, возвращался къ себѣ, суматоха на лѣстницѣ предупредила меня, что отъ Гастона снова пришло письмо. Но изъ швейцарской высунулась голова „консьержа“:

— Monsieur, мать Гастона получила письмо отъ сына; но вмѣстѣ съ нимъ пришло другое. Я боялся, что въ немъ плохія вѣсти и припряталъ его. Вотъ оно...

Сомнѣнія не было... Письмо изъ дѣйствующей арміи, чужой почеркъ и эти черные обводы на конвертѣ, сдѣланные неумѣлой рукой... Я взялъ письмо и сталъ подниматься...

— Monsieur, — встрѣтилъ меня знакомый лепетъ, — мой сынъ произведенъ въ сержанты...

— Madame, мужайтесь...

Черезъ недѣлю, когда я проходилъ мимо ея дверей, она зазвала меня къ себѣ. Въ ея рукахъ была черная каска.

— Monsieur, не умѣете ли вы пересадить гераній? Я получила каску, взятую Гастономъ, но сама ничего не умѣю...

И безпомощно опустила свою ногу.

Е. Панинъ.



У ГРАНИ.

СПЕКТАКЛЬ.



ОЗВОЛЬТЕ пригласить васъ къ намъ на спектакль. — Приглашаетъ насъ командиръ Батуринскаго полка, полковникъ М. Д. Нечволодовъ, прѣхавшій на нѣсколько часовъ съ позици въ городокъ Т., гдѣ находится нашъ летучій санитарный отрядъ.

Городокъ совершенно разрушенъ. За нѣсколько мѣсяцевъ до этого, при временномъ отступленіи нашихъ войскъ, онъ попалъ въ линію огня и въ течение недѣли подвергался бомбардировкѣ то съ нашей, то съ австрійской стороны. Жутко смотрѣть на длинныя улицы, гдѣ не уцѣлѣло ни одного зданія: одни превращены въ безобразныя груды кирпича и скрученной жести, отъ другихъ остались части обгорѣлыхъ стѣнъ и трубы; третьи, уцѣлѣвшія, стоятъ, какъ ободранныя трупы, опустошенныя, съ зияющими дырами вмѣсто оконъ и дверей. На базарѣ, вокругъ разрушенной ратуши, стоятъ обозы, зарядные ящики, толпятся солдаты, а изъ лавокъ, превращенныхъ въ конюшни, торчатъ лошадиныя головы. Въ непролазной грязи, по улицамъ и переулкамъ, валяется поломанная мебель, части какихъ-то машинъ, торчатъ утопанные, точно окаменѣлые, тюки товаровъ. Рѣдко-рѣдко проходитъ мѣстный житель, крестьянинъ, еврей; жалкій, испуганный, проходитъ робко, озираясь, низко-низко кланяясь всякому военному. Все здѣсь пропитано нѣмымъ ужасомъ, каждый камень, каждая пядь земли вопіютъ о великомъ человѣческомъ горѣ.

И вдругъ — спектакль!

Станнымъ и дикимъ, почти кощунственнымъ должно было казаться здѣсь, среди развалинъ, это слово. А между тѣмъ въ устахъ полковника оно звучитъ невѣроятно трогательно.

Спектакль устраивается почти на позици. Артисты и зрители — солдаты. Долгіе мѣсяцы провели они въ великой боевой страдѣ, лицомъ къ лицу со смертью. Теперь, послѣ десятковъ боевъ, послѣ многихъ побѣдъ, они получили маленькую передышку, на двѣ недѣли перешли въ резервъ. Стоятъ всего въ нѣсколькихъ верстахъ отъ линіи боя, каждую минуту могутъ быть вызваны на подкрѣплеша. Но живутъ не въ окопахъ, а въ „халупахъ“ и шалашахъ, имѣютъ возможность свободно двигаться, спокойно спать. И вотъ, командиру полка пришла трогательная мысль похитить у тяжелыхъ военныхъ будней нѣсколько мгновений, предоставить и солдатамъ и командному составу необычное развлеченіе,

которое позволило бы на время забыть кошмаръ пережитаго, отогнать отъ себя мысли о предстоящемъ.

Быстро, по-военному, все было оборудовано, разучено, устроено — и за нѣсколько дней до возвращенія на позици былъ назначенъ спектакль.

Полковникъ Нечволодовъ, отличившійся блестящимъ взятіемъ города Ниско (18 октября) и награжденный за это Георгіемъ 4-й степени, — съ перваго взгляда останавливаетъ на себѣ вниманіе. Коренастый, крѣпкій, подвижный, съ громкимъ голосомъ и рѣшительными жестами — онъ типичный командиръ-рубака. Но бросается въ глаза и нѣчто другое. Его рассказы пестрятъ яркими образами, мѣткими словами и захватывающе интересны. Отрывистыя фразы сопровождаются тихимъ смѣшкомъ; въ немного грасирующей рѣчи, о чемъ бы она ни шла, всегда звучитъ легкая иронія. А въ глазахъ все время — задумчивая печаль, тихая и примиренная. И слушая его, кажется, что самъ-то онъ находится гдѣ-то далеко-далеко, „по ту сторону“, точно чувствуетъ себя обреченнымъ. Такъ говорятъ обыкновенно люди, отрѣшившіеся отъ міра... Минутами жутко было слушать его.

На слѣдующій день, къ назначенному часу мы отправились къ мѣсту стоянки полка — въ полуразрушенномъ фольваркѣ, гдѣ въ нѣсколькихъ уцѣлѣвшихъ домикахъ и службахъ размѣстились офицеры. Солдаты жили въ палаткахъ.

Для спектакля воспользовались огромнымъ, длиннымъ сараемъ. Дорожка къ нему устлана ельникомъ. Внутри онъ также декорированъ ельникомъ, вѣтками и гирляндами: — покрываютъ стѣны, свѣшиваются съ потолка. Среди нихъ разбросано много разноцвѣтныхъ бумажныхъ лампюновъ. Все это скрадываетъ затхлою пустынною сарая, придаетъ ему праздничный, почти торжественный видъ.

Когда мы прѣхали — все уже было готово, лампы зажжены, на длинныхъ, во всю ширь сарая, скамьяхъ сидѣли тѣсно и чинно зрители — цѣлая рота. Толпившіеся у дверей офицеры, усѣлись въ первыхъ рядахъ, давъ, впереди себя мѣсто намъ и около десяти ребятишкамъ и женщинамъ изъ мѣстнаго крестьянскаго населенія. Полковникъ, внимательно оглядѣвъ ребятъ, о чемъ-то справился, поспѣшно ушелъ и скоро вернулся еще съ двумя дѣтьми. Повидимому, у него установились дружескія отношенія съ этой публикой.

Намъ раздають тщательно написанныя и разрисованныя отъ руки программы — и мы усаживаемся передъ сценой.

Сцена заправская, съ рампой, съ суфлерской будкой,

съ разрисованнымъ занавѣсомъ, на которомъ изображень зимній пейзажъ: деревья, покрытыя снѣгомъ, и крестьянская „халупа“, въ окнѣ которой видно пламя топящейся печи.

— Если хорошенько присмотрѣться, можно различить у печи Сидоренко, пекущего картошку, — шутить кто-то изъ офицеровъ.

Снаружи все время доносятся бухающие удары и раскаты непрерывной канонады. Среди зрителей — командиръ дежурнаго баталона въ полной походной формѣ, готовый каждую минуту быть вызваннымъ на позици. Но сейчасъ никто не слышитъ канонады, не думаетъ о битвѣ. Всѣ поглощены мыслью о спектаклѣ. Чувствуется, что за занавѣсомъ, на сценѣ, царитъ большое нервное волнение. Оно передается и полковнику и ближайшимъ участникамъ-строителямъ спектакля.

— Какъ волнуются! — замѣчаетъ сидящій возлѣ меня поручикъ. — Кажется, больше, чѣмъ при атакѣ...

И, обернувшись ко мнѣ, прибавляетъ:

— Поразительно, какъ спокойно идутъ въ атаку солдаты, побывавшие нѣсколько разъ въ бою. Я видѣлъ собственными глазами поразительную сцену. Скомандовалъ въ атаку. Солдатикъ одинъ, не успѣвшій доѣсть каши, поспѣшно захватилъ ее въ полу, наткнулъ на штыкъ связку соломы, которая служила ему постелью — и пустился въ атаку. Видимо, ни малѣйшаго сомнѣнія у него не было, что окопы неприятельскія будутъ взяты — и отправился туда, какъ на новую квартиру, съ ужиномъ и матрацомъ.

Ровно въ пять, по знаку полковника, поднимается занавѣсъ. Оркестръ и хоръ исполняютъ „Гимнъ“.

Начинается „спектакль“.

Самымъ интереснымъ былъ хоръ, исполнвшій много номеровъ. Хоръ въ нѣсколько десятковъ человекъ, прекрасно спѣвшійся. Выдѣлялось нѣсколько чистыхъ, красивыхъ голосовъ. Пѣли какъ-то особенно задушевно, наивно-старательно, трогательно, вкладывая въ пѣние все свое настроение. Чередовались малорусскія пѣсни съ великорусскими. Малорусскія — лирическія, сантиментальныя, тихія и нѣжныя — пѣлись жалобно и грустно. И казалось, что стояще на эстрадѣ люди рассказываютъ не о „дивчинѣ“ и „вишневомъ садочкѣ“, а о своихъ страданияхъ, о страш-

ной боевой страдѣ, о нечеловѣческихъ лишенияхъ. И, съ каждой строфой, пѣсня становилась жалобнѣе, задушевнѣе, тише и интимнѣе. Но вотъ хоръ запѣлъ, русскую. И настроение сразу мѣняется. Сильная, бодрая пѣсня поется весело, залихватски, и уже говоритъ о другомъ: — объ азартѣ борьбы, объ отвагѣ и удали, о восторгѣ побѣды.

Вообще, въ этой необычайной обстановкѣ многое получаетъ особое значение. Привычныя въ пѣсняхъ выражения, какъ „битва кровавая“, „ринулся въ бой“,



ПРОГРАММА

спектакля 10-й роты 175-го Батурицкого полка
открыленье I. 8-е февраля 1915г.

Ночь подъ управленіемъ Зит-еръ Марья.
Колодеца исп. рядъ: Каютина и Воротыщевъ.
от Лаврицы прог. рядъ: Каютина.
Русскій танецъ исп. рядъ: Воротыщевъ.
Внегнетъ изъ всякой всячины прог. рядъ: Каютина.

Открыленье II.

Выходъ куплетиста всяка. рядъ: Воротыщевъ.
Куплеты „Свобода“ исп. рядъ: Воротыщевъ.
Сценка изъ Бордобунова прог. рядъ: Каютина.
ран Очаровательные глазки исп. рядъ: Марья.
Ночь подъ управленіемъ Зит-еръ Марья.

Открыленье III.

Имитация имитациа дарабы и х
оборба съ герной маской х х
Куплеты „Шикъ длескъ“ исп. рядъ: Воротыщевъ.
Куплеты „Забурманъ а женитва“ исп. рядъ: Воротыщевъ.
от. Бибекъ прог. рядъ: Каютина.
Ночь подъ управленіемъ Зит-еръ Марья.
Сценарій отъ Коробогатыло.
Ауфорушки въ Лейпцигѣ.
Величестъ и распорядитель

Шестъ разъ велич. и распорядитель. Подпоручикъ Стефанский



Въ лѣсу Вилле-Коттре, у Суассона. Германскій автомобильный транспортъ, уничтоженный огнемъ французскихъ 75-мм. орудій.

„смерть врагамъ“, выражения, которыя обычно не останавливаютъ на себѣ вниманія, здѣсь казались значительными, осязаемыми, реальными.

„Клоунада“ была приспособлена къ вкусамъ и уровню развитія солдатъ, но въ ней не было ничего грубаго, циничнаго. Были невинныя шутки, вызывавшя громкій хохотъ. „Клоунъ“ заявляетъ, что онъ фотографъ, и на вопросъ, что онъ снимаетъ?—отвѣчаетъ: „Шубы, часы, кольца и все, что плохо лежитъ“. Нѣкоторыя загадки клоуна сильно нравились публикѣ:

— Какое созданіе несчастнѣе всѣхъ?

Отвѣтъ: „Поросенокъ“.

— Почему?

— У него одна мать — и та свинья.

Большой успѣхъ имѣли рассказы, декламация и различные фокусы рядового Хаютина, подвизавшагося раньше гдѣ-то на открытой сценѣ.

Любопытно, что во всей программѣ не было почти ничего „воинственнаго“, шовинистическаго. Не было насмѣшекъ или оскорбительныхъ отзывовъ о неприятелѣ. Только одинъ разъ клоунъ на сценѣ упомянулъ про австрійцевъ. Началъ онъ сильно чесаться. И объяснилъ:

— „Австрійцы“ перебѣжку дѣлаютъ!

Спектакль затянулся до поздней ночи. Во время одного изъ занимательныхъ номеровъ, явился вѣстовой и, вытянувшись передъ полковникомъ, отрапортовалъ:

— Боя нѣтъ. Все спокойно!

Однако канонада все время не прекращалась. Повидимому, она не принималась въ расчетъ.

Послѣ спектакля въ одной изъ халупъ былъ сервированъ ужинъ. Не хватало тарелокъ и вилокъ. Свѣчи горѣли въ бутылкахъ, но ужинъ былъ обильный: консервы, жаркое. Даже мороженое умудрились приготовить.

Были рѣчи, простыя и сердечныя, велась душевная бесѣда. И казалось, что это большая семья — дружная и сплоченная, — старается хоть на мигъ создать иллюзію обычной обстановки мирной жизни.

Когда мы, около полуночи, сопровождаемые ласковыми привѣтствіями и пожеланіями, уѣхали, южная сторона горизонта все чаще освѣщалась огненными вспышками, канонада становилась настойчивѣе. Ракеты вспыхивали и нѣкоторое время висѣли въ воздухѣ огромными яркими звѣздами, освѣщавшими все пространство.

Разгорался бой.

С. Ан-скии.



О МОСКОВСКОМЪ ХУДОЖЕСТВЕННОМЪ ТЕАТРѢ.



НОГО и разное писали о Художественномъ театрѣ: критики профессиональные, критики импровизированные и журналисты, привычные писать обо всемъ. Одобряли и порицали и все съ видомъ знатоковъ, знающихъ какой-то секретъ. Не въ роли „критика“ и „знатока“ выступаю я, ибо — прежде всего — впервые рѣшаюсь выступить съ печатнымъ мнѣніемъ, относящимся къ области искусства. Буду говорить, какъ обыватель, любящій театр. Художниковъ я вижу впервые, т. к. долготное отсутствіе изъ Россіи лишило меня счастья, испытаннаго многими: изъ года въ годъ наслаждаться спектаклями Художественнаго театра. Повторяю — счастья, ибо таково было душевное состояніе, въ которомъ я уходилъ изъ театра, подобнаго которому нельзя сыскать нигдѣ въ Европѣ.

Прежде мной были актеры, иногда не совсѣмъ удачно справлявшіеся со своими ролями. Видѣлъ я декорации (въ „Смерти Пазухина“), подчасъ слишкомъ пестрыя, съ приближеніемъ къ стилизованному лубку. Но основное: грандиозность культурнаго дѣла, вершимаго группой лицъ.

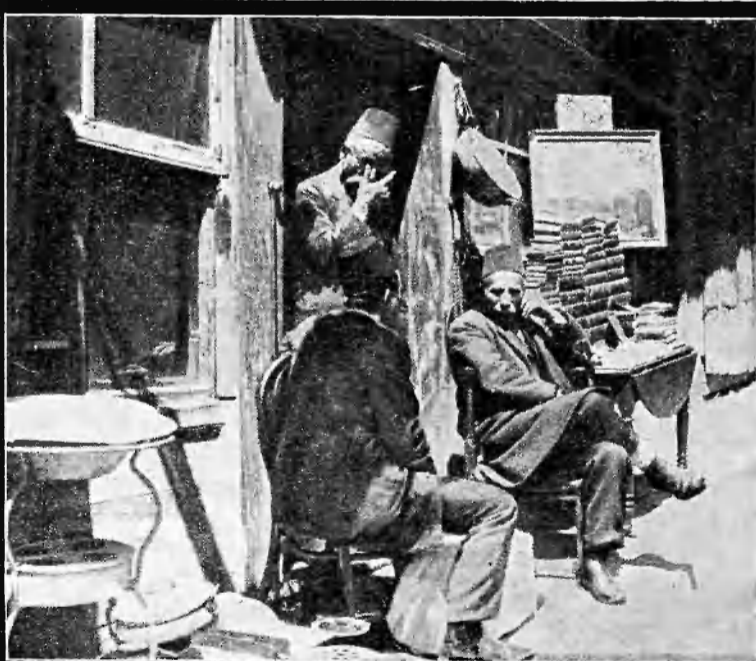
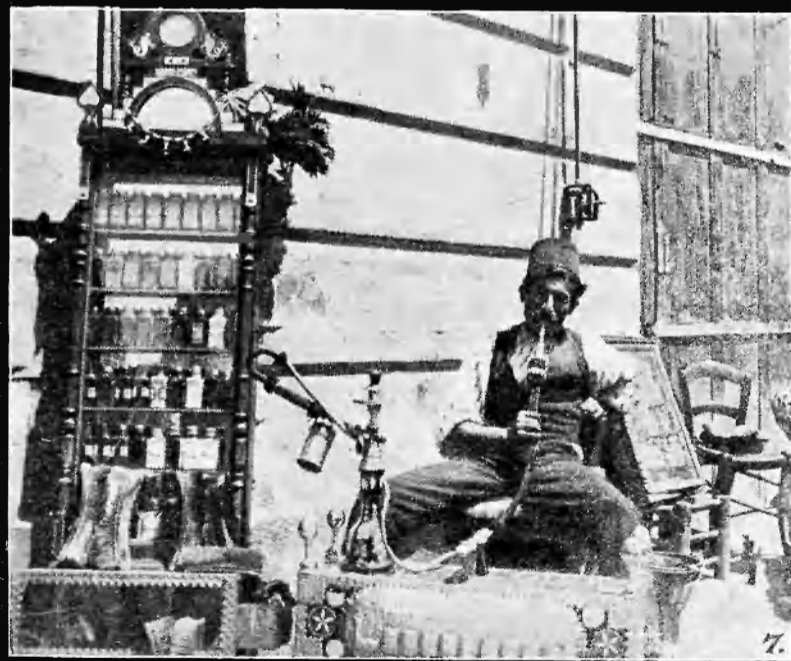
Это — театръ специфически-русскій, театръ русской культуры, родившей Толстого и Достоевскаго, театръ внутреннихъ движеній, при полномъ отсутствіи жестовъ, внешнихъ проявленій чувствованій. Уже на первомъ (Пушкинскомъ) спектаклѣ для меня стало ясно, что „Каменный Гость“ никогда не можетъ быть разыгранъ русскими артистами въ соответствии съ характерами дѣйствующихъ лицъ этой пьесы. Въ донъ-Жуанѣ нѣтъ ничего богоборческаго, приданнаго ему романтическими комментаторами. Въ немъ — лишь страсть и безбожество латиняна, и, если онъ кощунственно вызываетъ изъ могилы мертвеца, — то не по причинѣ того, что одержимъ маніей богоборчества, а просто въ силу латинскаго своего цинизма, позитивнаго и аморальнаго. Въ донъ-Жуанѣ кипитъ страсти, и выхода себѣ ищутъ во внешнемъ. Это — натура жестовъ, яркихъ и быстрыхъ движеній, непреодолимыхъ импульсовъ. Это ощущаютъ и въ себѣ воплощаютъ только люди, родившіеся подъ горячимъ солнцемъ, люди, рожденные съ пафосомъ внеш-

нихъ движеній: французы, испанцы, итальянцы. Даже незначительныя движенія души происходятъ у нихъ въ сопровожденіи многообразія жестовъ. И потому скульптура, такъ ярко выражающая это многообразіе жестовъ, расцвѣла въ странахъ греко-романскихъ, и тамъ достигла величайшей красоты.

Россія — не есть страна жестовъ. Мы холодны во внешнемъ, „про себя“ творя внутреннюю нашу жизнь. Героизма *внешняго*, понятнаго всѣмъ черезъ языкъ жестовъ, нѣтъ ни у Пьера Безухова, ни у Ивана Карамзова, ни у Никиты изъ „Власти Тьмы“. Русская трагедія молчалива и сосредоточенна, какъ сосредоточенно русское веселье. И потому наши актеры, желающіе дать *видимую* (театральную) трагедію, нелѣпо колотятъ себя въ грудь кулаками и, грубо повышая голосъ, скверно декламируютъ Шекспира и Шиллера.

Настоящій театръ, театръ умный и культурный, не можетъ разрѣшить себѣ грубыхъ жестовъ и ярыхъ выкриковъ, которыми нельзя приблизиться къ темпераменту донъ-Карлоса или Отелло. И, Художественный театръ, отлично сознавая невозможность родить актеровъ жеста, далъ холоднаго, поистинѣ „Каменнаго Гостя“. О, Качаловъ былъ милымъ, подчасъ обворожительнымъ русскимъ бариномъ, наряженнымъ въ костюмъ испанскаго рыцаря. Но страсть къ доннѣ Аннѣ онъ переживалъ „про себя“, сдержанно, какъ сдержанна была Лаура, милая русская „несчастливая“ женщина, но не пылкая испанская куртизанка. И, глядя на г. Качалова, я чувствовалъ, что онъ далъ бы прекраснаго Онѣгина, но донъ-Жуаномъ быть ему никакъ нельзя. Не г. Качалову только; ни одному умному и съ чувствомъ художественной мѣры русскому актеру не удастся быть донъ-Жуаномъ. Въ лучшемъ случаѣ получится не аморальный испанецъ конца XV и начала XVI столѣтія, а философъ-богоборецъ середины и конца XIX вѣка.

Другое дѣло — Сальери. Тутъ уже нѣтъ ничего *внешняго*. Зависть, озлобленіе, сознание ужаса свершаемаго, и потребность внутренняго оправданія — глубочайшая трагедія переживаній. Нужна могучая сосредоточенность души, — и это далъ г. Станиславскій въ полномъ объемѣ. Ибо это соответствуетъ — прежде всего — природнымъ особенностямъ нации.



НА УЛИЦАХЪ ЦАРЬ

1. Уголокъ Царьграда. — 2. Гвардейская кавалерия. — 3. Турецкія дѣти. — 4. На Галатскомъ мосту. — 5. Перевозка тяжестей. — 6. „Политики“. — 9. Уличный писецъ. — 10. Парикмахерская на улицѣ.



Г Р А Д А.

7. Чистильщикъ сапогъ, въ ожидани кліентовъ. — 8. У лавки букиниста. —

„Смерть Пазухина“ лишь утвердила меня во мнѣніи, сложившемся за два дня до того. Щедринская комедія — есть комедія русскихъ нравовъ, выписанная въ стилѣ шаржа, — какъ все, созданное Щедринымъ, — для усиленія впечатлѣнія. И потому, что это — комедія нравовъ, въ ней значительность содержанія не нуждается во внѣшнихъ подчеркиваніяхъ, даваемыхъ содержаніемъ пьесы. Нравы — жизнь обыденная, а русская обыденная жизнь течетъ безъ яркихъ жестовъ. И Художественный театръ далъ намъ въ „Смерти Пазухина“ изумительную по простотѣ и по внутренней выразительности картину русскихъ нравовъ. Не нужно было внѣшне-героическое, что такъ чуждо Россіи. И было радостно видѣть, какъ художники знаютъ, чувствуютъ Россію и себя.

Но „чувствовать“ и даже „знать“ мало: необходимо воплотить знаніе въ *дѣло*. И вотъ: дѣло, свершенное художниками, поражаетъ зрителя своей грандіозностью. Только театръ эрудитовъ могъ создать такія декорации, костюмы, фотографически и одновременно художественно ожививъ мертвую историю. Комната Лауры, капелла командора — шедевры художника-историка. Великолѣпны декорации и въ „Смерти Пазухина“, хотя нѣсколько лубочно окно въ кабинетъ Фурначева и черезчуръ ярки обои въ залѣ дома Пазухина. Б. Кустодіевъ очень красоченъ и тяготеетъ къ русской пестротѣ. Въдѣ это Настасья Ивановна Фурначева и есть „Красавица“, что была на выставкѣ „Міра Искусства“, не такъ ли?

Но декорации, костюмы и бутафорія — внѣшнее, дополняющее содержаніе внутренней работы театра. Какъ это внѣшнее, такъ еще болѣе — *внутреннее* насыщено умомъ и знаніями. Бросается въ глаза, что художники сливаются съ эпохой пьесы, свой инстинктъ и талантъ отшлифовывая въ соотвѣтствіи съ требованіями исторической правды. Въ одной газетѣ рецензентъ хулилъ художниковъ, попутно заявляя, что, хотя декорации и хороши, и актеры играли „по какому тексту“ — безразлично, но въ общемъ не было „театра“. Надо обладать большимъ мужествомъ, чтобы присяжному критику сознаться въ нелюбви къ искусству, въ пристрастии къ балагану, фарсу Сабурова и кинематографу. Такие люди всего значенія работы, продѣланной Художественнымъ театромъ, и не могутъ понять. Но простые зрители отлично видятъ, что художники въ истории русской культуры займутъ почетное мѣсто. Особенности русскаго искусства ими отчеканены и отлиты въ строгія формы. Для выраженія *внутренняго* движенія они создали этотъ театръ безъ жестовъ, сосредоточенный, замкнутый въ значительности своихъ переживаній и такой понятный всѣмъ русскій театръ.

Петръ Рыссь.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Наши виды на урожай.

РАВНОМѢРНОЕ установление теплой весенней погоды, при достаточно увлажненной почве, способствует быстрому развитию всходов. Благодаря хорошим условиям погоды состояние посевов в средней и южной полосе Европ. России, по сведениям корреспондентов „Торгово-Промышленной Газеты“, к началу мая вполне благоприятно; урожай обещает быть *выше средняго*. Работы по обработке полей начались в большинстве случаев своевременно и производятся в настоящее время вполне успешно, при благоприятных условиях погоды.

Недостаток рабочих, ощущаемый в средней полосе России, с успехом преодолевается совместной деятельностью земств, сельских обществ и кооперативов, с которыми восполняем труда работой военнопленных, к которой прибегают только в крайних случаях.

Еще новые общества для организации отечественной промышленности.

НАИБОЛЬШЕЕ оживление, в связи с стремлением эмансипироваться от германской зависимости, переживает наша химическая промышленность. Возникает целый ряд предприятий для производства красок и химических материалов из отечественного сырья, а также заводов и лабораторий для выработки фармацевтических и лекарственных препаратов. В связи с этим организуются новые общества, ставящие себя подобными цели. Так, за последнее время образуются: в Новочеркасске — „Общество для устройства химико-технической лаборатории“, которая должна вырабатывать вещества, привозившиеся прежде из Германии; в Киеве — „Русское химическое общество для изготовления лекарственных веществ“; в Москве — „Комитет по организации производства медикаментов в России“. Кроме того, народились общества более общего характера в том же направлении: — „Владивостокское общество экономического возрождения России и борьбы с немецким засильем“ и „общество 1914-го года“ в Петрограде, имевшее целью освобождение русской духовной и общественной жизни, торговли и промышленности от немецкого засилья.

Экономические проблемы на континенте мира.

АМЕРИКАНСКИЙ экономист Макферлен выпустил брошюру, в которой доказывает, что для того, чтобы ослабить экономическую мощь Германии, необходимо отнять у нее каменноугольные копи Вестфальского бассейна и передать их

Франции. Автор вообще выдвигает на первый план экономические проблемы войны.

Французский „Temps“, хотя и не разделяет смелых выводов автора, но горячо рекомендует эту брошюру, усматривая заслугу автора в том, что он выдвигает целый ряд вопросов, о которых мало думают. Еще недостаточно привлекли в политических разсуждениях ставить на надлежащее место экономические неизбежности. „Необходимо“, говорит газета, „обратиться к соображениям экономики, индустрии, коммерции, которые приобрели исключительную важность в жизни государств и их взаимоотношениях. Если пренебречь ими, то наиболее разительные военные успехи могут свестись к нулю на следующий день“.

„Нидерландский Заморский трест“.

ЕСЛИ внешняя торговля Голландии в настоящее время процветает, а ее большой флот хорошо работает, то немалая заслуга в этом принадлежит „Нидерландскому Заморскому тресту“. Эта — организация, синдикат, организованный крупнейшими торговыми предприятиями — банками и пароходными компаниями, для посредничества между ними и воюющими сторонами, при разрешении всяких вопросов, которые могут возникнуть относительно товаров, считающихся абсолютной и относительной контрабандой. Официально, по уставу, „Общество Нидерландского Заморского треста“ имеет своей целью: „служить посредником для торговцев и торговых обществ Голландии и дать им возможность ввозить безопасно товары, идущие из-за моря, которые были, или будут потом объявлены воюющими государствами полностью или относительно контрабандой“. Трест успел завоевать к себе доверие. Французское, английское и прусское правительства, ознакомившись с целью, преследуемой трестом, заявили голландскому правительству, что они не будут ни задерживать, ни арестовывать товаров, называемых военной контрабандой, если они будут отправляться при посредничестве треста. Суда, которые пользуются защитой треста, получают свободный пропуск при предъявлении сертификата, выданного трестом.

Немцы умудрились уже использовать доброе имя треста для своих целей. Так, одна роттердамская фирма получила при посредстве треста партию табаку, который должен был быть переправлен в Германию. Но случайно обнаружилось, что в кипах этого табаку, который прибыл в Голландию под флагом треста, запрятано большое количество каучука, предназначенного для Германии. Контрабанда была раскрыта, и „трест“ получил,

таким образом, урок, научивший его осторожней относиться к своим клиентам.

Судьба предстоящего урожая в Германии и Австрии.

В Германии озабочены уже судьбой предстоящего урожая, который в нормальное время не может прокормить всего населения, тем более сейчас, когда целый ряд обстоятельств стоит на пути сельскохозяйственного производства.

Во-первых, нет рабочих. Пришлых сельскохозяйственных рабочих, число которых ежегодно регистрируется до 400 слишком тысяч, в нынешнем году не будет. Половина этих рабочих — из Галиции, другая половина складывается из наших польских холоков и, отчасти итальянцев (на юге Германии). Эти источники рабочей силы сейчас иссякли, или закрыты. Труд военнопленных, которые должны возместить этот недостаток в рабочих руках, оставляет желать многого, так как его подъяремный характер и нежелание трудящихся приспособляться к условиям работы делают его малопродуктивным. Проекты привлечения школьников к полевым работам не идут далее полезных экскурсий, участники которых не могут заменить взрослых выносивших рабочих. Таким образом, рабочий вопрос, всегда остро стоявший перед сельским хозяйством Германии, сейчас стоит особенно остро.

Плохо обстоит также с искусственным удобрением. Прекращение подвоза в Германию чилийской селитры должно тяжело отозваться на сборе пшеницы и ржи, убыве которых, по исчислениям некоторых ученых, может дойти до 1/5 нормального сбора. Азотный голод порождает множество всяких проектов и лабораторных „открытий“, немогущих заменить азота, этого лучшего средства удобрения.

Если добавить ко всему этому уход на войну многих управляющих имениями и помещиков, по большей части офицеров запаса, то картина хозяйственного запустения германской деревни предстанет во всей ее беспомощности.

В виду опасений за судьбу урожая, германцы энергично пропагандируют усиление посадок картофеля и других пищевых продуктов, могущих некоторым образом заменить хлеб.

Австрийским правительством запрещена продажа на корню будущего урожая, и те из земледельцев, которые вследствие этого могут оказаться в затруднительном положении, по словам венгерского министра-президента, получают денежные субсидии. Австро-венгерское правительство предполагает секвестровать весь будущий урожай.



Василій Яковлевичъ Яковлевъ
(Богучарскій).

Редакторъ-издатель З. И. Гржебинъ.

СОДЕРЖАНІЕ № 15. А. С. Гринъ. Рыцарь Мальяръ, рассказъ. — Сергѣй Рафаловичъ. Стихи. — Е. Паннъ. У послѣдней черты. Очеркъ первый, „Мать Гастона“. — С. Ан—скій. У Грани. Спектакль, очеркъ. — Петръ Рыссь. Театръ. О московскомъ художественномъ театрѣ. — Экономическая жизнь. — О чемъ говорятъ и пишутъ.

❖ Перепечатка статей, рассказовъ и иллюстрацій допускается только съ указаніемъ источника. ❖

ОТЕЧЕСТВО

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ЛѢТОПИСЬ ЖИЗНИ.

Въ знаменательный историческій моментъ, когда всѣ народы, населяющіе нашу родину, въ борьбѣ съ врагами выковываютъ счастье и величіе Россіи, журналъ „Отечество“ ставитъ своей задачей всестороннее освѣщеніе событій творящейся жизни. Удѣляя преимущественное вниманіе вопросамъ будущаго строительства родины, „Отечество“ девизомъ своимъ ставитъ: мирное сожителство, превспяніе и рвенство всѣхъ гражданъ Россіи, всѣхъ народовъ ея. Въ развитіи культурно-національных цѣнностей каждой отдѣльной народности — залогъ величія объединяющей всѣ эти народности Россіи, которая является отечествомъ для всѣхъ.

Въ художественномъ отдѣлѣ журнала участвуютъ:

Н. Альтманъ, Б. Анисфельдъ, Ю. Анненковъ, Александръ Бенуа, И. Билибинъ, И. Бродскій, В. Бѣлкинъ, М. Добужинскій, Н. Кульбинъ, Б. Кустодіевъ, Г. Нарбутъ, П. Наумовъ, А. Радковъ, Ре-ми, Н. Рерихъ, И. Е. Рѣпинъ, Л. Пастернакъ, М. Соломоновъ, С. Судейкинъ, О. Шарлеманъ и др.

Въ литературномъ отдѣлѣ журнала помѣстили свои произведенія:

Леонидъ Андреевъ, К. К. Арсеньевъ, А. А. Ахматова, А. Н. Бенуа, И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ, Ал. Блокъ, Е. М. Браудо, Я. М. Букшпанъ, Валерій Брюсовъ, Ив. Бунинъ, проф. П. Г. Виноградовъ, М. О. Гершензонъ, М. Горькій, Г. Гребеншиковъ, А. С. Гринъ, Н. С. Гумилевъ, Любовь Гуревичъ, Л. Добронравовъ, Е. А. Зноско-Боровскій, Вяч. Ивановъ, А. Изгоевъ, Игорь-Сѣверянинъ, А. И. Купринъ, Д. А. Крючковъ, П. Н. Милуковъ, М. Моравская, Г. Г. Перетцъ, О. Персицъ, проф. Б. Пѣрсъ, Н. Э. Радловъ, С. Рафаловичъ, А. М. Ремизовъ, П. Рыссъ, М. А. Славинскій, Фелдоръ Сологубъ, В. Б. Станкевичъ, П. Б. Струве, В. Танъ, М. Толмачева, Тэффи, С. Л. Франкъ, А. Чапыгинъ, Алек. Чеботаревская, Ан. Чеботаревская, Г. И. Чулковъ, Вяч. Шишковъ, Г. Н. Штильманъ, П. Е. Щеголевъ.

Редакторъ-Издатель *З. И. ГРЖЕБИНЪ.*

==== Непринятые рукописи не возвращаются. ====

ОБЪЯВЛЕНІЯ ВЪ ЖУРНАЛѢ

ОТЕЧЕСТВО

принимаются въ главной конторѣ, Невскій 55, тел. 248—77, по цѣнѣ за строку нонпареля: до текста 1 р. 20 к., послѣ текста 80 к., за страницу 300 р. Публикаціи въ краскахъ, по рисункамъ художниковъ, по соглашенію. По первому требованію (можно по телефону) главная контора командировать агентовъ.

ЦѢНА ПОДПИСКИ:

Съ доставкой и пересылкой
на годъ на полгода на три мѣсяца
4 р. **2 р. 25 к.** **1 р. 25 к.**
ПРОБНЫЙ № ВЫСЫЛАЕТСЯ ЗА 15 КОП. МАРКАМИ.
Пріемъ подписки производится во всѣхъ крупныхъ книжныхъ магазинахъ Имперіи.
Въ отдѣльной продажѣ 10 коп. номеръ.
На станц. жел. дор. 12 коп.
Требуйте у газетчиковъ.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА: Петроградъ, Невскій пр. 55, телеф. 248-77.

Адресъ для телеграммъ: Петроградъ, „ОТЕЧЕСТВО“.